

© 2026. А. П. Дмитриев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Польское восстание 1863–1864 гг. в литературном отражении: неизвестный отклик И. С. Аксакова на драму Я. П. Полонского «Разлад» в контексте ее творческой истории

*Исследование выполнено в ИРЛИ РАН за счет гранта Российского научного
фонда № 25-18-01115, <https://rscf.ru/project/25-18-01115/>*

Аннотация: Стихотворная драма Я. П. Полонского «Разлад: сцены из последнего польского восстания» (1864) имела парадоксальную судьбу. Ее высоко оценили крупнейшие писатели-современники, но ей единодушно отказали в эстетической значимости критики ведущих журналов. В настоящей статье впервые предпринято комплексное исследование творческой истории произведения, его литературно-критической рецепции и авторской рефлексии, отразившейся в переписке с друзьями. Вводятся в научный оборот письма Полонского к Г. П. Данилевскому и А. Н. Пыпину и письмо И. С. Аксакова к Полонскому. Выдвигается гипотеза о дочери поэта М. Ф. Тютчевой как прототипе героини пьесы и об отражении в ее сюжете безответной любви Полонского. Выявлен основной идеологический источник концепции произведения — установки славянофильской историософии по польскому вопросу, которые находили свое отражение в газете «День», издававшейся Аксаковым. Обосновывается положение о том, что писатели-корифеи проигнорировали просчеты в художественной отделке драмы «Разлад», поскольку признали, что Полонскому удалось правдиво изобразить атмосферу тревожного времени и его нового героя.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, И. С. Аксаков, драматургия, историософия, русско-польские отношения, славянофильская публицистика, творческая история, критические оценки

Информация об авторе: Андрей Петрович Дмитриев, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

E-mail: apdspb@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 03.07.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Дмитриев А. П. Польское восстание 1863–1864 гг. в литературном отражении: неизвестный отклик И. С. Аксакова на драму Я. П. Полонского «Разлад» в контексте ее творческой истории // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 306–337. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-306-337>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 306–337. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 306–337. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Andrei P. Dmitriev

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

The Polish Uprising of 1863–1864 in Literary Reflection: I. S. Aksakov's Unknown Response to Ya. P. Polonsky's Drama "Discord" in the Context of Its Creative History

Acknowledgments: This work was carried out at IRL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 25-18-01115, <https://rscf.ru/project/25-18-01115/>

Abstract: Ya. P. Polonsky's verse drama "Discord: Scenes from the Last Polish Uprising" (1864) had a paradoxical fate. It was highly praised by leading contemporary writers, but was unanimously dismissed by critics in leading journals as lacking aesthetic significance. This article provides the first comprehensive study of the work's creative history, its literary and critical reception, and the author's reflections, as reflected in his correspondence with friends. Polonsky's letters to G. P. Danilevsky and A. N. Pypin, as well as a letter from I. S. Aksakov to Polonsky, are introduced into scholarly circulation. A hypothesis is advanced that the poet's daughter, M. F. Tyutcheva, served as the prototype for the play's heroine and that Polonsky's unrequited love is reflected in its plot. The primary ideological source of the play's concept is identified — the tenets of Slavophile historiosophy on the Polish question, which were reflected in the newspaper "Den" (*The Day*), published by Aksakov. It is argued that the leading writers ignored the flaws in the artistic execution of the drama "Discord" because they recognized that Polonsky had succeeded in truthfully depicting the atmosphere of the troubled times and his new hero.

Keywords: Ya. P. Polonsky, I. S. Aksakov, drama, historiosophy, Russian-Polish relations, Slavophile journalism, creative history, critical assessments

Information about the author: Andrei P. Dmitriev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8460-4578>

E-mail: apdspb@gmail.com

Received: April 18, 2026

Approved after reviewing: July 03, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Dmitriev, A. P. "The Polish Uprising of 1863–1864 in Literary Reflection: I. S. Aksakov's Unknown Response to Ya. P. Polonsky's Drama 'Discord' in the Context of Its Creative History." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 306–337. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-306-337>

Все три польских восстания (1794, 1830–1831, 1863–1864), нацеленные, как известно, на отмену разделов Польши и восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., в свое время чувствительно потрясли Российскую империю и, конечно, не могли быть проигнорированы русскими писателями. Однако если оставить за скобками рядовую беллетристику и газетные вирши, а также текущую публицистику и поздние мемуары, то можно насчитать лишь десятка два истинно художественных произведений с откликами на польские мятежи, причем исключительно лирического рода (принадлежали они поэтам первого ряда — П. А. Вяземскому, Г. Р. Державину, В. А. Жуковскому, М. Ю. Лермонтову, А. Н. Майкову, А. С. Пушкину, Ф. И. Тютчеву, А. С. Хомякову)¹.

На этом фоне выделяется большая стихотворная драма Я. П. Полонского «Разлад: сцены из последнего польского восстания», создававшаяся в июле 1863 – январе 1864 г., в самый разгар событий. Ее судьба оказалась незавидной и, пожалуй, загадочной. Пьеса понравилась братьям Достоевским и была оперативно напечатана в апрельской книжке журнала «Эпоха» [Полонский 1864], а через год выпущена отдельным изданием [Полонский 1865]. Известно, что произведение, читанное автором в литературных кружках в рукописи, положительно оценили писатели, составлявшие цвет русской культуры того времени: Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Н. А. Некрасов, М. М. и Ф. М. Достоевские, В. П. Боткин, А. Н. Майков, П. В. Анненков, А. Д. Галахов, Н. И. Костомаров [см.: Тхоржевский: 295–296]. Журнальная же критика по выходе пьесы в свет приняла ее в штыки, что стало ударом для Полонского. Впоследствии он только раз републиковал это произведение [Полонский 1870], отказавшись включить его в многотомные собрания своих сочинений, которые выпускал в конце жизни.

¹ См. составленную К. В. Ратниковым антологию поэтических откликов на все три польских восстания: [Старый спор].

В советский период «Разлад» выпал из исследовательского поля. Причину этого можно понять из кратких, но несколько разноречивых упоминаний пьесы в авторитетных обобщающих трудах и справочниках. В 1935 г. в 11-томной «Литературной энциклопедии» автор статьи о Полонском А. И. Грушкин отмечает, что поэт «выступил против польского восстания с пасквильной пьесой “Разлад”, где смыкался с лагерем Каткова» [Грушкин: 66]; в 1956 г. в 10-томной академической «Истории русской литературы» В. Н. Орлов только называет при перечислении сочинений Полонского «либеральную драму “Разлад”» [Орлов: 273]; в 1968 г. в «Краткой литературной энциклопедии» Э. А. Полоцкая пишет, что Полонский в «Разладе» «одобрял политику пр<авительст>ва по отношению к польскому восстанию» [Полоцкая: 851]; наконец, в 1982 г. в очередной академической «Истории русской литературы» (уже 4-томной) замечательный исследователь Ю. В. Лебедев по недоразумению называет «Разлад» «стихотворением» 1871 г. [см.: Лебедев: 591]. Уже в недавнее время, в 2007 г., в фундаментальном биографическом словаре «Русские писатели, 1800–1917» авторы статьи о Полонском сочли возможным вынести эту пьесу за скобки, лишь упомянув ее название в самом конце, в разделе «Др<угие> произв<едения>» [Ермилова, Грешный: 58].

В наши дни стал зримо расти интерес к Полонскому как к недооцененному классику. Не обойдена вниманием и стихотворная драма «Разлад», в центре которой — трагическая история платонической русско-польской любви, вспыхнувшей в разгар Польского восстания 1863–1864 гг. Отсылки к пьесе появляются с середины 2010-х гг. Сначала — в двух обзорных статьях, анализирующих отражение в литературе и журналистике реалий этого восстания с обличительно-пропагандистской целью. Так, К. В. Ратников, рассматривая обвинения русской печати в адрес польского духовенства как ключевой силы в подстрекательстве к мятежу, обращается к финальной сцене «Разлада», где героиня драмы, ревностная католичка панна Катерина Славицкая, смертельно раненная в бою с русским воинским отрядом, исповедуется перед ксендзом, пришедшим «ее причастить и почтить в ее лице мученицу за польскую свободу» [Ратников: 128]. Однако тот, услышав признание умирающей в тайной, никак не проявившейся любви к «москалю», забывает о пастырском долге и в гневе проклинает ее: «Умирай же / Без покаянья, без причастья! В ад / Ступай, неверная дочь церкви» [Полон-

ский 1864: 251]]¹. И. М. Шестопалова сосредоточилась на образах русских полонофилов 1860-х гг. в политически ангажированной русской и польской беллетристике. Драма Полонского дает исследовательнице материал для разговора об извечном конфликте долга и чувства: русский офицер Танин (во многом alter ego автора), полюбив польку Катерину, сочувствует ее восставшим соплеменникам, а она в свою очередь «колеблется между национальным долгом и любовью к русскому» и «становится жертвой польского фанатизма» [Шестопалова: 232].

Начиная с 2019 г. появился ряд статей, авторы которых акцентируют внимание на выявлении художественной специфики драмы «Разлад»: А. С. Евдокимова кратко рассматривает ее в контексте драматургии Полонского, усматривая причину неуспеха произведения в «космополитичности», то есть отсутствии прямолинейного идейного посыла, ожидаемого современниками, и в построении пьесы по принципу «киномонтажа», свойственного модернистскому театру [Евдокимова: 462]. И. Е. Живогин, безосновательно называя «Разлад» «исторической драмой» (поскольку для Полонского ее события были злободневной современностью), фиксирует наличие гуманистического заряда, определяющего вневременный характер драматического конфликта [Живогин: 204].

Среди других исследований выделяется статья Т. В. Федосеевой, посвященная жанрологическому анализу «Разлада» «в единстве поэтики и ценностного содержания»; в работе обозначена философско-религиозная и антропологическая проблематика пьесы, установлена ее преемственность по отношению к пушкинской драматургической традиции, выявлены черты «новой драмы» эпохи модернизма [Федосеева]. Не менее ценны наблюдения Е. А. Федоровой, обратившейся к этой пьесе в статье о взаимоотношениях Полонского и Достоевского. Исследовательница видит идейный замысел «Разлада» в «разоблачении русофобской мифологии», а штабс-капитана Танина рассматривает как тип русского европейца, живо интересовавшийся и автора «Записок из подполья»; отмечает христоцентризм, духовный символизм и патриотизм как объединяющие обоих писателей начала [Федорова: 103, 107].

Как видим, драма «Разлад» рассматривается ныне исключительно в «реабилитационном» ключе: высоко оценивается ее идейно-нрав-

¹ См. также краткий анализ этой сцены в монографии Элизабет Блейк «Достоевский и католическое подполье» [Blake: 67].

ственный посыл, у исследователей не вызывает сомнений ее эстетическая значимость. Такие оценки вполне коррелируют с допечатным одобрением драмы известными писателями, однако при этом не объясняют их полную несовместимость с оперативной критической рецепцией произведения. Журнальные отклики на пьесу, единодушно констатировавшие ее несостоятельность именно в эстетическом отношении, к сожалению, ныне не берутся во внимание.

Сам Полонский в письмах к друзьям писал о подобной критике как об огульных нападках. Литератору М. В. Авдееву он сообщал в 1867 г.:

<...> я ничей, не принадлежу ни к какой редакции, и если что-нибудь опять напечатаю, непременно будут со всех сторон ругать меня [Полонский 1902: 285]¹.

В том же году (12 февраля) в письме Г. П. Данилевскому Полонский подробнее (но не менее пристрастно) характеризовал столичный журнальный мир:

<...> в Петербурге литераторы до такой степени друг друга забросали грязью, что для публики не только они, но и вся их деятельность потеряла смысл и значение. — Но и в этом подвиге, т. е. в бросанье грязи, — публика, конечно, более всего сочувствует тем, кто ее бросает, — нежели тем, кто не хочет рук марать.

Мосек явилось такое множество, что если бы я был и в самом деле слон, — то и тогда должен был бы признаться, что моя сила ничто перед их стаей и перед их неумолкаемым лаем — лай этот занимал публику².

Представляется, что все эти инвективы Полонского вызваны прежде всего болезненным, растянувшимся на несколько лет, изживанием творческой неудачи с «Разладом». Насколько мучителен был этот процесс, можно судить по 9-страничному мемуарному письму поэта от 12 февраля 1880 г., адресованному литературоведу А. Н. Пыпину по поводу его работы «Польский вопрос в русской литературе» (1880).

¹ Здесь и далее все выделение курсивом в цитатах принадлежат их авторам.

² Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 236. Ед. хр. 127. Л. 48, 48 об.

Полонский чувствовал потребность излить душу, он пишет о своем желании:

Позвольте мне <...> поделиться с вами моими воспоминаниями об одном эпизоде из моей литературной деятельности, или о том, как *польский вопрос* насолил мне как литератору¹.

Это исповедальное письмо полностью пока не опубликовано, но процитировано С. С. Тхоржевским в его документальной повести о Полонском «Высокая лестница» (1978) [Тхоржевский 1986: 295–297], — из этих нескольких цитат в основном и черпаются исследователями сведения о творческой истории драмы «Разлад» (в частности, и об одобрении рукописи произведения известными писателями).

Прежде чем привести текст новонайденного, еще не введенного в научный оборот письма И. С. Аксакова к Полонскому, содержащего проницательные оценки его пьесы, добавим к напечатанным Тхоржевским выдержкам из письма поэта к Пыпину имеющиеся в нем дополнительные подробности, существенные для изучения творческой истории «Разлада». Так, Полонский сообщает об эмоциональной реакции Тургенева на первое знакомство с пьесой:

Тургенев после чтения, отъезжая, высунулся из окна кареты и закричал — «конец твоей драмы гениален!..»².

Речь идет о вышеупомянутой сцене отказа ксендза причастить умирающую Катерину. Ее перекрестил Танин, благословив девушку как православный мирянин. Заметим, что в этой сцене, как и в сцене не доведенного Таниным до конца самоубийства в начале драмы несомненные сюжетные отсылки Полонского к первой части «Фауста» Гёте.

Попутно следует отметить еще один момент: по-видимому, память Тургенева удержала эпизод объяснения панны Катерины с братом Иосифом (часть I, сцена X), фанатичным участником мятежа, и спустя полтора десятка лет этот диалог получил отклик — возможно, произвольно — в стихотворении в прозе «Порог» (1878). Сравним:

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 3.

² РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4.

Полонский	Тургенев
<i>Сестра.</i> Милостивый Боже! Каких великих дел мы дождались, Возьми меня с собою воевать. <i>Брат.</i> Пока не нужно... из чего ты станешь Себя таким напастям подвергать: Придется голодать и зябнуть. <i>Сестра.</i> Я готова И голодать и зябнуть. <i>Брат.</i> Но ты не привыкла. <i>Сестра.</i> Привыкну... [Полонский 1964: 158].	— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает? — Знаю, — отвечает девушка. — Холод, голод, ненависть, насмеш- ка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть? — Знаю. — Отчуждение полное, одиноче- ство? — Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары [Тургенев: 147].

Вспоминает Полонский о конкретных замечаниях И. А. Гончарова:

Гончаров был в восторге — но как цензор сомневался в возможности пропустить «Разлад» мой без исключений. — В особенности шокировал монолог, где Танин, герой моего драматического рассказа, сознается, что идти против поляков — значит самому себе противоречить, жить чужой виной, во имя любви к родине совершить преступление, — и затем решается на самоубийство¹.

Важны и сообщения Полонского о прохождении через цензуру драмы со столь злободневной проблематикой. Благодаря Гончарову удалось устроить предварительное авторское чтение у министра внутренних дел П. А. Валуева, который 21 марта 1864 г. зафиксировал в своем дневнике:

Вечером Полонский читал у меня в присутствии нескольких лиц свои «Сцены не для сцены», в которых изображается во многом весьма удачно борьба между гуманитарным и патриотическим направлением, по случаю польских смут [Валуев: 275].

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4.

В письме Пыпину Полонский приводит уточняющие детали:

Валуеву, как я слышал, в сценах моих, не понравилось только несколько вульгарных или цинических выражений, — но пропустить без цензуры и всё взять на свою ответственность и он не решился... Из Цензуры я рукопись мою получил с пометками — но делать было нечего¹.

Последнее свидетельство объясняет наличие в монологах героев драмы неоднократных рядов точек (их можно было принять за романтический прием визуализации с помощью отточий сильных эмоций, испытываемых персонажами, их душевного смятения). Теперь же ясно, что это — следы цензурного вмешательства, и потому будущая научная републикация «Разлада», да и углубленное его изучение потребуют разысканий в архивах Цензурного ведомства с целью выявления изъятых строк.

Наиболее желанным местом публикации драмы был «Современник» Некрасова, готового выплатить щедрый гонорар нуждающемуся в деньгах Полонскому. Некрасов безоговорочно одобрил «Разлад», в письме к заведовавшему критическим отделом издания М. А. Антоновичу от конца марта 1864 г. он так высказался о пьесе:

<...> ее следует взять в «Современник»: она эффектна, о ней говорят и будут говорить, и относительно содержания (обстоятельство, по которому преимущественно я и препровождаю ее к вам) тоже, кажется, не представляется препятствия [Некрасов: 17].

Антонович, прочтя произведение вместе с соредактором журнала Г. З. Елисеевым, «решительно» отговорил Некрасова от публикации. С. С. Тхоржевский уверенно называет причину: «Они сочли, что вещь эта оправдывает подавление польского восстания» [Тхоржевский: 296].

Однако сам Антонович в мемуарах 1903 г. пояснил, что он и Елисеев сочли драму слабой главным образом именно в художественном отношении и потому недостойной автора поэмы «Кузнечик-музыкант»:

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4.

<...> нашли, что сцены изображены в ней очень односторонне и притом освещены каким-то странным, неестественным светом, что вообще она слаба и неудовлетворительна, особенно для такого автора, как Полонский, и что печатать ее в «Современнике» не стоит [Антонович: 199].

Сам Полонский в письме Пыпину так воспроизводит эту ситуацию:

Некрасов предложил мне место в своем «Современнике», но — его отговорили, — и он прямо сказал мне, что лично ему — мой «Разлад» нравится, — печатать же у себя он не решается, так как — находят сцены мои *слишком патриотическими*¹.

В конце письма Полонского, на чистой стороне листа, Пыпин оставил черновую заготовку своего ответа. В 1863–1866 гг. он наряду с Некрасовым состоял ответственным редактором «Современника» и потому засомневался в точности воспроизведения Полонским слов Некрасова²:

Вопрос о «Разладе» в ред<акции> «Современника» я припоминаю, но мало, — так как с беллетристич<еским> отделом журнала не имел дела. Но думаю, что Некрасов слишком в грубой форме передал Вам принятое тогда решение. Дело было, конечно, вовсе не в «патриотизме», а в чрезвычайной трудности говорить об этом предмете, когда еще шла «братоубийственная война» и когда «поляки» были тем «лежачим», которого бить не позволяет в пословице народная совесть и когда в литературе могла быть речь о польском деле только с одной точки зрения³.

Следующим журналом, где предполагалось издание «Разлада», стал московский «Русский вестник». Известно письмо А. Д. Галахова, рекомендовавшего М. Н. Каткову издать драму [см.: Тхоржевский: 296].

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4 об.

² Известно к тому же, что Некрасов в письме Полонскому от 2 апреля 1864 г. мотивировал отказ от публикации «Разлада» финансовыми причинами [Некрасов: 17].

³ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 7 об.

Полонский сообщает Пыпину о полученном через посредничество А. Ф. Писемского предложении:

Получаю письмо из Москвы от Писемского — просит прислать мой «Разлад» для «Русского Вестника», в котором в то время он принимал участие¹.

Поэт выехал в Москву, прочел драму в присутствии Каткова [см.: Тхоржевский: 297], на следующий день его ознакомили со словами доведенного до «негодования» Каткова:

Сцены мои найдены лишенными всякого патриотизма. — Русские унижены. Поляки в ореоле. — Удадь русских — шаткость мыслей, удадь поляков — сила и непреклонный мужественный патриотизм.

Итак, в глазах Некрасова я оказался патриотом — в глазах Каткова чуть не изменником. Такие противоречия меня просто и бесили и мучили — мне хотелось узнать, что скажет публика².

Изложение Полонским в письме Пыпину дальнейших событий (издания драмы в журнале «Эпоха» и появления негативных рецензий) также пока не опубликовано. Как известно, поводом к закрытию предыдущего журнала братьев Достоевских «Время» стала публикация статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», которая была сочтена правительством неуместной и вредной с точки зрения официальной политики в польском вопросе. По справедливому утверждению В. С. Нечаевой, помещая «Разлад» Полонского, редакция старалась «защититься от возведенных на нее обвинений в полонизме, антипатриотизме» [Нечаева: 72]. Поэт рассказывал Пыпину:

Задешево уступил я «Разлад» мой Достоевскому Михаилу в его журнал, с тем чтоб он дал мне несколько сотен оттисков. — Сцены напечатаны. — В журналистике начинаются насмешки и оклеветанье сцен моих. — «Искра» причисляет меня к числу Бурбонов. «Отечественные Записки» пишут статью под заглавием «Современная драма» и разбирают «Разлад» мой:

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4 об.

² РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 4 об.—5.

в этой статье что ни слово, то вздор, что ни вывод, то клевета. — Мне приписываются такие пошлые чувства и такие гнусные мысли, какие никогда не приходили и не могли придти мне в голову¹.

Апрельская книжка «Эпохи» с драмой «Разлад» вышла 7 июня 1864 г. [Нечаева: 255]. Полонский упоминает два отклика на свою пьесу: «отставного майора Бурбонова» (Д. Д. Минаева) в июньском номере радикально-демократического «Русского слова» (не в «Искре»!), в составе обзорной статьи «Резервные стихотворцы», и Н. Д. Хвощинской (в замужестве Зайончковской), скрывшей свое имя под криптонимом «Н. К.» (сокращением одного из ее псевдонимов — «Николай Куратов»), в июльской книжке умеренно-либеральных в тот период «Отечественных записок». Ее статья называлась не «Современная драма», как запомнилось Полонскому, а «Драма с современным интересом». В первой из этих рецензий много зубоскальства, обычного для юмориста Минаева, во второй — преобладает въедливый мелочный критицизм, впрочем, по большому счету оправданный.

Полонский забывает указать (или не хочет вспоминать) третью, наиболее серьезную, критическую статью о «Разладе», помещенную в июньском номере «Библиотеки для чтения», традиционно выступавшей в защиту «чистого искусства». С 1863 г. журнал выходил под редакцией П. Д. Боборыкина, который привлек к сотрудничеству в качестве заведующего критическим отделом Е. Н. Эдельсона, со времен «молодой редакции» «Москвитянина» известного своими работами, в которых при оценке текущей литературы делались глубокие обобщения с опорой на эстетические построения Гегеля и эмпирическую психологию Ф. Э. Бенеке.

Эдельсон и написал рецензию на драму Полонского. Он начал с категорического утверждения, что «едва ли в самых расширенных пределах его (искусства. — А. Д.) найдут себе настоящее место произведения вроде “Разлада” Я. П. Полонского» [Эдельсон: 35]. И пояснил, идя от противного, то есть рассуждая о «*всяком истинно художественном произведении*»:

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 5.

Художественный, типический образ какого-либо из современных характеров, долго тревоживший душу поэта и, наконец, его усилиями воплотившийся в слово и сделавшийся общим достоянием <...> становится знаменем, сборным пунктом, общею светлою точкою для многих. <...> Совсем другое с теми продуктами искусственного вдохновения или простой искусственной фабрикации, которые неизвестно зачем облачаются в чуждые им одежды [Эдельсон: 36].

Далее — еще более обидно для автора «Разлада», хотя и вполне обоснованно с позиций теории драматургического искусства — Эдельсон как бы вторит остроумному определению Валуева «Сцены не для сцены»:

<...> сюжет «сцен» в высшей степени не драматический. Почти все развитие действия заключается в том, что герой Танин, явившийся на поле битвы с романтическими мечтаниями о всеобщей любви, мало-помалу отрезвляется суровою действительностью и приходит к убеждению, что с врагами нужно и самому быть врагом <...> он вовсе не годится в драматические герои [Эдельсон: 37].

Более того — Эдельсон убежден в ходульности и банальности всего изображаемого в пьесе:

Кто сколько-нибудь внимательно и не безучастно следил по официальным газетным известиям и частным корреспонденциям за всеми событиями последнего Польского восстания <...> тот не найдет, по нашему мнению, ни одной новой, яркой живописной черты в новом произведении г. Полонского. <...> И такова пагубная сила фальшивой задачи, выдумыванья сюжетов на большие произведения, когда природа таланта влечет к другой деятельности, что даже поэтическая прелесть стиха как будто оставила Я. П. Полонского в его «сценах»: все как-то напущенно, натянуто там, и почти не на чем остановиться утомленному чувству [Эдельсон: 38].

Д. Д. Минаев (его рецензия вышла первой), под шутовской маской майора Бурбонова, предъявляет по сути сходные претензии, говоря об иллюстративной заданности «Разлада»:

<...> неотъемлемое достоинство «Разлада» есть то, что поэт известное стихотворение Пушкина «О чем шумите вы, народные витии?» представил нам в драматической форме широкой шекспировской кистью [Минаев: 29].

Кроме того, критик подмечает неудачные языковые эксперименты Полонского, создающие порой комический эффект при прозаизации стиха, и высмеивает выпренные тирады в лирических монологах, производящие подчас несколько курьезное впечатление:

Вообще умилила меня находчивость г. Полонского, который фронтовой военный язык уломал в ямбы своей драмы. <...> Что же касается до монологов «Разлада», то в них соединяется шекспировская глубина с восточною страстностью Н. Кукольника [Минаев: 29, 31].

Не удержался Минаев от забавной пародии, окарикатуривающей основной конфликт драмы Полонского. Приведем вторую из восьми строф:

О, панна! вы меня зовете,
Я — подлетел бы к вам к крыльцу,
Но — служба ждет... (*фельдфебель, роте*
Вели сбираться на плацу) [Минаев: 30].

Вышедшая последней рецензия Н. Д. Хвошинской — наиболее обстоятельная. Ее автор — известная в свое время писательница, лишь эпизодически выступавшая как литературный критик. Причем обычно она выстраивала свои статьи по методу глубоко чтимого ею В. Г. Белинского — кратко пересказывала сюжет произведений, по ходу дела оценивая события, отдельных персонажей и их взаимоотношения с точки зрения правдивого воспроизведения действительной жизни. Переходя от одной сцены «Разлада» к другой, Хвошинская аргументированно выявляет логические неувязки и нестыковки, неестественные ситуации, маловероятные реакции героев. Так, проанализировав сцену преодоления Таниным экзистенциальных сомнений и отказа от самоубийства, критик восклицает:

А какая богатая мысль! <...> Это — возрождение, воскресение... Отчего же в «Разладе» оно выходит так мелко, так неловко, так забавно? Оттого, во-первых, что написано не словами, которые вырываются из сердца, а фразами, да еще газетными [Хвоцинская: 292].

Возмущает критика изображение Полонским крестьян-белорусов, угнетаемых польской шляхтой:

<...> эта толпа мужиков <...> — не разоренный народ, ожидающий спасения, а пейзаж с театральными подмостков. У них нет не только народного духа <...> у них нет живого осязательного образа: это — тени... Это — нечто сочиненное по газетным статьям... <...> Г<-н> Полонский поторопился: надо было дать дозреть не своему патриотическому чувству — о нем нет речи, — но своему литературному замыслу [Хвоцинская: 292].

Не будем умножать примеры из 24-страничной статьи критика, — отметим только, что ее выводы во многом сходны со сказанным Эдельсоном и Минаевым. Приведем только место, которое запомнилось Полонскому, — он спустя 16 лет привел его в письме Пыпину по памяти, очень неточно, но верно воспроизведя основной смысл:

Чтобы дать Вам понять, до чего дошла клевета автора статьи, приведу пример —

Танин, прощаясь с панной Катериной, говорит:

Никогда я не увижу вас
Ни здесь, ни *там*, прощайте, панна.

Танин говорит *ни там* просто потому, что не верит в загробные свидания, даже в бессмертии души сомневается, так как о понимании Христа и Христианства говорит в прошедшем времени...

И что же пишет критик?

«Хорош поэт — он и на том свете *ей* как католичке отводит место в аду, а себе как православному выбирает в раю местечко». — И всё в этом роде¹.

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 5–5 об.

Но согласимся, что процитированные Полонским строки из его драмы совсем непросто понять именно так, как он хотел, чтоб их поняли читатели; тем более что об атеистических воззрениях героя прямо нигде не говорится. Поэту следовало бы выразиться яснее. Приписанная Хвощинской фраза в оригинале не так задириста и язвительна (ср.: «...там, по всем вероятиям, считая ее виноватой, он (Танин. — А. Д.) назначает ей местечко похуже, чем себе» [Хвощинская: 305]).

Возникает вопрос: почему же так обиделся Полонский? И не только на самих своих критиков, но и на «братьев-писателей», не заступившихся за него в печати. Пыпину он об этом написал:

Таким образом — только за то, что я выставил на вид польские притязания чуть не на половину всей России и польский религиозный фанатизм, который, по моему мнению, более всего навредил Польше, меня возненавидели... Кто, не знаю. Под статьями с бранью никто не подписывал своего имени. — Публика молчала. — Хвалители не заступались.

И знаете ли, кто более всего благодарил меня за этот «Разлад»? — Поляки! — Мне писали, что «Разлад» мой — урок для Польши, что иначе разгорелось бы дело, если бы поляки, зная настроение русской молодежи, иначе повели себя¹.

Вместе с тем, разбор произведения Полонского в журналах был вполне объективен и аргументирован. Все три критика оговаривались, что ценят незаурядное дарование автора и его вклад в русскую поэзию. Сам поэт даже согласился с их приговором эстетическому уровню своей драмы «Разлад», написав Пыпину:

...если труд мой и не выдерживает критики как художественно-поэтическое произведение — он все же основан на правде...².

Спустя годы Полонский самого себя винил за творческую неудачу:

В конце концов, я должен Вам сознаться, что я сам впоследствии осудил себя за желание высказываться в такую минуту, когда следовало молчать.

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 5 об.–6.

² РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 7.

<...> Нельзя, невозможно было даже и желать новых песен от Музы во дни братоубийственной войны... И моя муза должна была бы молчать. — Таким образом я нисколько не ропщу <так!> за эти нравственные страдания, которые я пережил — когда писал и печатал мой «Разлад»¹.

Представляется, что в 1864 г. Полонский так болезненно отреагировал на довольно дельную критику в свой адрес из-за того, что в пьесе было вложено много личного, заветного. Выход рецензий совпал по времени с периодом, когда Полонский переживал тяжелое эмоциональное состояние неразделенной любви к девушке, отвергшей его предложение руки и сердца. Усугубляла положение недавняя катастрофа: в 1860 г. поэт потерял сначала 6-месячного первенца Андрюшу, а спустя полгода — первую жену, 20-летнюю Елену Васильевну (урожденную Устюжскую), скончавшуюся от скоротечной чахотки. И вот через четыре года страданий в душе возродились надежды на счастливые перемены в личной жизни, которые не оправдались...

Выскажем предположение, что прототипом героини пьесы панны Катерины стала 23-летняя Мария Федоровна Тютчева, старшая дочь поэта от второго брака (с Эрнестиной Пфедфель, баронессой Дёрнберг), любимица семьи. Полонский с марта 1860 г. служил секретарем Комитета цензуры иностранной под начальством Ф. И. Тютчева. Как установила Т. Г. Динесман, «к началу 1862 г. Полонский был уже близким человеком в семье Тютчевых. В дальнейшем его имя постоянно встречается в дневниковых записях Марии Федоровны» [Тютчев в письмах: 327].

Во второй половине июля 1863 г. Полонский по приглашению Тютчевых отдыхал в орловском имении Федора Ивановича Овстуге (сам поэт находился тогда в Москве), где особенно сблизился с Марией. В письме к Софье Сонцевой, дочери старого приятеля А. А. Сонцева (в тот период вице-губернатора Таврической губернии), Полонский сообщал, что в Овстуге «провел только 10 дней — блаженных по невозмутимой тишине и присутствию одной очень милой особы»², то есть Марии. Полонский вернулся из Овстуга окрыленный, 31 июля виделся с Тютчевым, о чем тот сообщал жене в письме от 1 августа:

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 6–6 об.

² РГАЛИ. Ф. 471. Оп. 1. Ед. хр. 30 (цит. по: [Тхоржевский: 294]).

А. П. Дмитриев. Польское восстание 1863–1864 гг. в литературном отражении: неизвестный отклик И. С. Аксакова на драму Я. П. Полонского «Разлад»...

Я вчера опять видел Полонского при его обратном проезде через Москву. Он в восторге от Овстуга и от своего пребывания у вас... [Летопись: 80].

Именно в те овстугские дни Полонский приступил к работе над драмой, о чем уведомил Марию, которая зафиксировала позднее (28 января 1864 г.) в дневнике:

Тургенев был и просидел довольно долго <...>. Полонский обедал и читал свою драму «Разлад» (которую начал в Овстуге), <Ег. П.> Ковалевский пришел и слушал, только не все время [Летопись: 100].

Не исключено, что, изображая в своей пьесе усадьбу Славицких и их сад (место действия многих сцен), Полонский вдохновлялся овстугскими впечатлениями. Допустимо также предположить, что черты Марии Тютчевой (сохранилось не менее шести ее портретов) запечатлены в следующих описаниях Катерины:

Заметили вы, господа, какие
У этой панны косы! Черт возьми!
Какие-то волнисто-золотые,
Так вот и лезут из-под черной сетки
[Полонский 1864: 121].

...огонь лампы
Позолотил ей свесившийся локон
На темном фоне ночи и одежды...
[Полонский 1864: 192].

Любовь Танина к Катерине проходит через всю пьесу и показана как тягостная, изнуряющая страсть, поскольку герой не смеет надеяться на взаимность, а когда в конце произведения умирающая полька признается ему в любви, он не решается верить услышанному:

Я был любим... я! Боже мой! А что...
Что если и предсмертные слова
В ее устах — насмешка надо мною...
[Полонский 1864: 256].

Смутные предчувствия, отразившиеся в обрисовке непростых взаимоотношений героев «Разлада», не обманули. В жизни происходило следующее: в праздник Пасхи, 19 апреля 1864 г., Полонский сделал Марии официальное предложение, повергшее ее в смятение. Она записала в дневнике:

После обеда мамá с папá уехали к Анне. <...> Я осталась наедине с Полонским. Он мне отдал письмо, на которое не знаю, отвечать или нет, и вскоре ушел. Сообщила письмо папá [Летопись: 109].

10 мая Тютчев провожал жену с дочерью за границу и в тот же день по поручению Марии навестил Полонского, чтоб известить об ее отказе от предложенного замужества. Об этом узнаём из дневника Марии:

Поехали на железную дорогу прежде 9-ти часов. Провожал нас папá, который оттуда хотел заехать к Полонскому... [Летопись: 112].

О состоянии Полонского в эти майские дни 1864 г. можно судить по письму Тютчева жене от 28 мая:

Бедняга Полонский очень часто бывает у меня, но лишь для того, чтобы постоянно повторять одно и то же <...>. У меня не хватает духу отклонить его признания, и вместе с тем я совсем неспособен ободрить его. Вчера он сообщил мне, что набросал на бумаге свои раздумья по поводу прощальных строк, которые Мари написала ему перед отъездом, однако не решился послать эти раздумья ей. Рассудив здраво, я отсоветовал ему делать это. В конце концов он объявил мне, что жизнь его кончена, что отныне он смотрит на себя как на человека, которому нечего ожидать в будущем. Полагаю, что это не помешает ему вновь жениться, если представится случай [Летопись: 113–114].

Так и получилось: уже 14 июля 1866 г. Тютчев как начальник Полонского по службе подписывал ему свидетельство о том, что «для вступления его во второй законный брак с девицею Жозефиною Антоновною Рюльман законных препятствий со стороны Комитета не

оказывается»¹. Мария же Федоровна нашла свое счастье на полтора года раньше: 17 февраля 1865 г. она стала женой флигель-адъютанта Н. А. Бирилева, героя обороны Севастополя.

Куда больше, чем указанный интимно-биографический источник сюжетной линии Танина и Катерины, способствовавший психологически достоверному изображению *душевного разлада* Танина, важен сообщенный Полонским мировоззрению своего героя комплекс идейно-политических и национально-религиозных установок, из-за чего представленный в пьесе *идеологический разлад* русских и поляков оказывается неразрешимым, а их вражда непримиримой. Четко прослеживается эта взаимная идейная нетерпимость в словесном поединке русского офицера Михаила Танина с шляхтичем Иосифом Славичким (часть I, сцена XII — самая объемная в пьесе). Из первых критиков об их споре упомянула только Н. Д. Хвоцинская, причем снисходительно, и в данном случае это было несправедливо:

<...> он (Танин. — А. Д.), заметно, много прочел; он и Славичкий беседуют, будто две газеты, укладывая в стихи великое множество имен собственных, названий разных племен и «страшных» слов: *католицизм, славянизм, полячи́зм, обезна́родить, обезчеловечить, ославя́нить, ополячи́ть, онеме́чить*. <...> Но, странно, слова есть, а сущности их нет [Хвоцинская: 294].

На деле ослепленный ненавистью пан Славичкий эмоционально и художественно убедительно формулирует положения расовой «туранской теории» Франтишека Духинского о неславянском происхождении великороссов («москалей»), об ущербности их «сделанного» языка, о «живых корнях» «полячи́зма», то есть западничества, о том, что «старая Москва Туранское есть ханство», примирение с которым возможно при одном условии:

Пускай она уступит нам Украйну,
Литву и Белоруссию, — ну, словом,
Те страны, где живут славяне

[Полонский 1864: 172].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 779. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 14; цит. по: [Летопись: 216].

Танин перед началом полемики высказывается о том, что нация, живущая ненавистью, обречена на историческое бесплодие:

Кто ненавидит — в том уж есть сознание
Какого-то бессилья. <...>
А если ненависть и умирает,
Пресытившись давно желанным мщением,
Рождается холодное презренье
И ничего любви не оставляет
В наследство

[Полонский 1864: 166].

И обозначив психологические корни вражды поляков, Танин на этом основании легко разбивает каждый довод оппонента целой системой аргументов. Полонскому, на наш взгляд, удалось сухие публицистические выкладки сделать достоянием поэзии. Достаточно привести, например, возражения Танина на слова Славяцкого о «сделанности» русского языка и формировании «туранского» народа «кучкой славян, которые пришли <...> с Юга». Танин восклицает (позволяя своему творцу дать превосходный образчик патриотической лирики):

Неужели?.. да если это правда,
Так это кучка гениев каких-то,
Полубогов! — неслыханных людей! <...>
Помилуйте! создать народ! <...>
Сплотить в одно десятки разношерстных
Кочующих племен, — сложить столицу
И всех уверить — всех до одного,
Что колыбель их Киев. Занести
Наш богатырский эпос, наши песни
До самых отдаленных стран Сибири;
Создать язык, который по богатству
Своих корней богаче европейских,
По гибкости способен на размеры
Гомера, Данте, Байрона и Гёте...

[Полонский 1864: 173].

У Полонского был вкус к историософским построениям, о чем можно судить по недавно опубликованным его очеркам конца 1850-х гг., где он выдвигает оригинальные идеи (в частности, о «различных возрастах народа»: молодости, зрелости, дряхлости), местами превосходящие футуристические теории К. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, Л. Н. Гумилева [см.: Дмитриев 2024]. В данном же случае Полонский, согласно его сообщению в письме Пыпину 1880 г., вкладывает в уста пана Славицкого разговоры, услышанные от поляков за границей:

<...> труд мой <...> все же основан на правде, — всё, что вложил я в уста поляка Славинского <так!>, я сам не раз слышал от поляков за границей, в 1861 году, когда после смерти первой жены моей я ездил лечиться в Топлиц, Ишль и Бадгастейн, и где по преимуществу обретался в польском обществе¹.

Однако на деле Полонский по большей части широко использует сведения, почерпнутые со столбцов издававшейся И. С. Аксаковым славянофильской газеты «День» (1861–1865), в поле зрения которой с самого начала находился польский вопрос. Так, в октябре 1861 г. Аксаков опубликовал редакционную заметку, наделавшую много шума и, таким образом, приобретшую широкую известность, где обращался к тем, кто жаждал реванша за разделы Польши:

Безумные поляки! <...> Неужели вы так глухи, так слепы, неужели вы думаете, что в пространной Русской земле, от Камчатки до Карпат, в Великой, Малой, Белой, Червонной Руси, найдется хоть один русский, который бы не загорелся весь — самым жгучим огнем негодования при таких лживых и наглых ваших притязаниях! который бы не отдал жизни в борьбе с вами, за сохранение наших древних русских областей, нашего трижды святого, прекрасного Киева!.. Или тщетны были для вас все уроки истории, и вас ничто исправить не может? [Аксаков 3: 9–10].

А вслед за тем, в январе 1862 г., в «Дне» увидел свет документ, подтверждавший сказанное: имеем в виду статью варшавского писателя-националиста Михаила Грабовского. Он заявлял об исторических

¹ РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 7.

правах поляков на Литву, Малороссию и Волынь и ратовал за то, чтобы эти якобы «исконно польские» территории не подвергались русификации [Грабовский]. В мае того же года Аксаков одним из первых в России поместил обширную корреспонденцию о псевдонаучной «туранской» теории Ф. Духинского [Петровский], а в послесловии к этой публикации писал:

Трудно не признать произведений г. Духинского и ему подобных (которых множество) за мнение польской нации, когда во всей свободной заграничной польской литературе не встречаем мы никакого опровержения расточаемым клеветам, никакого обличения клеветников, никакого отречения от солидарности с ними остальной Польши <...> таких вралей, которые только позорят — в глазах не одних нас, но и всех славян — доблестную польскую нацию!.. [Аксаков 1. 1: 109].

Главное же — в разгар восстания в газете Аксакова (причем в передовице от 13 июля 1863 г., то есть вышедшей в тот день, когда поэт выехал в Овстуг, где начал работу над «Разладом») предлагался путь возрождения Польши, сходный с теми положениями, которые перечисляет Танин, полемизируя со Славичским. Сравним:

Аксаков	Полонский
Возрождение Польши в пределах польской народности, в какой бы то ни было политической форме, возможно только с <i>исправлением</i> поляков от страсти к захватам, с <i>излечением</i> их от политического безумия, с <i>отречением</i> от призвания быть миссионерами латинства и передовой дружиной Запада, с утратой <i>рыцарского</i> шляхетского отношения к народу, с <i>возвращением их в лоно славянства</i>... [Аксаков 3: 125].	<i>Пан Славичский</i>. За что ж мы проливаем кровь? <i>Танин</i>. За всё, Что старо, за католицизм, за панство, За государственную мощь, за обладанье Такими странами, в которых нет и тени К вам симпатии, — словом, идеал ваш <i>Могущество</i> [Полонский 1864: 178].

За славянское единство Танин тоже ратует — в другом месте, провозглашая тост:

Мы будем пить пока за процветанье
Варшавы и Москвы — и за грядущий
Свободный, братский их союз, как двух
Славянских центров

[Полонский 1864: 163].

Газета «День» особенно ценилась в семье Тютчевых. Известно, что Ф. И. Тютчев имел возможность ознакомиться даже с не пропущенными цензурой передовицами Аксакова по польскому вопросу и считал его позицию по отношению к Польскому восстанию наиболее выверенной. Так, в дневнике Марии Федоровны 24 февраля 1863 г. появилась запись: «Читала запрещенную статью Аксакова...» [Летопись: 63], а в письме к дочери Анне Федоровне от 25 июня того же года Тютчев, сравнивая мнения Аксакова и Каткова о возможной вооруженной помощи Польше со стороны Запада, отмечал:

Вчера я провел два часа у нашего друга Аксакова и нашел у него вполне разумный взгляд на дело и более действительное понимание вопроса, чем у кого бы то ни было. Виделся я также с Катковым и его присными; и хотя его газета пользуется вполне моими симпатиями и я признаю огромные услуги, оказываемые им в настоящее время стране, — Катков, с которым я всесторонне обсудил данное положение, понимает его не так ясно, как наш друг [Тютчев: 435].

Все эти общественно-политические вопросы, включая их освещение в аксаковском «Дне», Тютчев любил обсуждать с Полонским, о чем оставила множественные свидетельства Мария Федоровна в своем дневнике.

Впрочем, Полонский с молодых лет находился в славянофильском окружении, был свидетелем их споров с западниками. Об этом он рассказывал в письме Н. Н. Страхову от 9 декабря 1864 г.:

У кого я бывал в салонах? — У Чаадаева, у Хомякова, у Киреевского, у Аксакова, даже раза два был у Герцена. <...> глубокие мыслители Москвы только и жили, что в салонах, — только салоны и наполняли своими речами и спорами. <...> в них была вся тогдашняя умственная жизнь Москвы... [Достоевский в переписке: 402].

Аксаков в 1840–1850-х гг., до вступления на поприще славянофильской журналистики, был хорошо известен как поэт, представитель гражданской лирики. Знакомство с Полонским состоялось по инициативе последнего, вступившего в поэтический диалог с Аксаковым. В первой книжке за 1856 г. главного славянофильского журнала «Русская беседа» было опубликовано стихотворение Аксакова «Добро б мечты, добро бы страсти...», обличавшее бездеятельность либерального дворянства. Полонский ответил на него поэтическим посланием «И. С. Аксакову» («Когда мне в сердце бьет, звеня, как меч тяжелый, / Твой жесткий, беспощадный стих...»), напечатанный в третьей книжке того же журнала. Аксаков в первой книжке следующего, 1857 г. поместил свой «Ответ» («Я знаю — в час тоски тревожной / Мой жесткий стих тебя смутил...»). В сущности, два последних произведения развивали мотивы некрасовского стихотворения «Поэт и Гражданин», и оба автора единомысленно выбирали сторону Гражданина.

Впоследствии поэты встречались, но изредка, поскольку жили в разных столицах; чаще — начиная с 1866 г., когда Аксаков стал зятем Тютчева. В мае 1862 г. в газете «День» было опубликовано стихотворение Полонского «Одному из усталых» («Ожесточила ли тебя людская тупость...»), возвращающее к диалогу поэтов семилетней давности. Поэтому неудивительно, что, как становится известно из публикуемого ниже письма Аксакова от 28 апреля 1864 г., именно ему после неудачи с некрасовским «Современником» и катковским «Русским вестником» Полонский передал рукопись своего «Разлада» для публикации (не исключено, что по ходатайству Тютчева). Однако Аксаков в своей еженедельной газете с ноября 1862 г. перестал печатать стихи и прозу, убрав соответствующий «Общий отдел», и в последующем делал исключение лишь для повестей Кохановской (Н. С. Соханской) и лирики Тютчева. Поэтому в начале письма упоминается обсуждавшийся с Полонским проект отдельного издания драмы «Разлад» в качестве премии для подписчиков и рассказывается, что Аксаков пытался переубедить Каткова в его нежелании публиковать пьесу.

Приведем текст письма Аксакова по подлиннику¹:

¹ Институт русской литературы РАН (ИРЛИ). № 11853. 2 л.

Многоуважаемый Яков Петрович.

По получении этого моего письма потрудитесь отправиться к Кожанчикову¹ и получить от него Вашу рукопись. Она отправлена к нему сегодня вместе с газетой. Простите, что я так долго не отзывался Вам и не уведомлял Вас о судьбе Вашего произведения. Я еще не успел после Вашего отъезда прочесть Ваши *Сцены*, как явился ко мне от Каткова один из его друзей (в самый день Вашего отъезда) с просьбою: «не трудиться посылать к нему рукопись, потому что он не может ее поместить, ибо ничего драматического не печатает». Я заметил посланному, что «Дон Жуан» Толстого был же напечатан² и что, по моему мнению, Катков напрасно делает, отказываясь от этого произведения. Я поручал ему передать Каткову, что рукопись останется у меня до отсылки некоторое время и что если Катков передумает, то может прислать за ней, но он не присылал.

Я же возвращаю Вам рукопись потому, что мне печатать ее отдельной книжкой и выдавать в виде премии подписчикам, которых в настоящее время ничем не прибавишь, в высшей степени неудобно и невыгодно. Заплатить за нее 800 р., когда я все-таки должен выдать сполна мои №№ и заплатить за помещенное в них — независимо от приложения, — я в настоящее время просто не в состоянии.

Я с большим интересом и живым участием прочел Ваши *Сцены*. Они затрагивают самые тончайшие и деликатнейшие, самые болезненные струны современного русского общества. Скажу только одно, что Танин выходит каким-то Гамлетом уже по своей натуре, независимо от раздвоения, вносимого в душу *Польским* вопросом. Он едва ли бы не так же колебался и во всякой другой войне. Здесь является интерес уже другого рода, интерес противоречия между служебным воинским долгом и чувством совести, которой претит всякое употребление грубой силы, военной силы вообще, не говоря о Польском деле. Эта коллизия сама по себе может быть предметом драмы, но она ослабляет интерес главной коллизии, польской. Затем другая коллизия: человек, влюбленный в женщину чужого, вражьего

¹ Через книгопродавца Дмитрия Ефимовича Кожанчикова (1820 или 1821–1877) Аксаков распространял свою газету «День» среди петербургских подписчиков. Книжный магазин Кожанчикова, при котором в августе 1861 г. была открыта контора «Дня», находился на Невском проспекте напротив Публичной библиотеки. См.: [Кожанчиков].

² Драматическая поэма А. К. Толстого «Дон Жуан» была напечатана в апрельской книжке «Русского вестника» за 1862 г.

стана — полька ли она или не полька, — это было уже второстепенное. Я нахожу также, что Вы напрасно не отделили вопрос о Царстве Польском, или настоящей Польше, от вопроса о Западном Крае. Раз, как Танин уяснил себе вопрос о Зап<адном> Крае, ему нечего колебаться, его положение ясно и определенно: он стоит на почве правого дела. Но он колеблется, потому что влюблен и вообще враг войны: тут уже он возбуждает меньше участия, потому что не прав. Точно так же мог бы он влюбиться и в турчанку; а если он вообще против грубой силы, так вопрос простой: зачем в военной службе, зачем не идет вон. — Фазисы внутренней борьбы совершаются как-то отрывочно: это, впрочем, происходит от формы.

Затем вот что еще. Напрасно не дали Вы простора себе, своему стиху, своему поэтическому таланту. Так и хочется прочесть, так и ждешь в некоторых местах поэтических стихов, — а их мало. Сцены же те, где являются офицеры, крайне прозаичны не по содержанию только, но и по форме: не зачем и писать их стихами.

Вот Вам мое откровенное мнение. Вас<илий> Алекс<еевич> доволен, а Катерина Ивановна и очень довольна Вашими сценами. Адрес Елагиных на Малой Никитской, в доме Тучкова, во флигеле.

Преданный Вам Ив. Аксаков.

1864. Апр<еля> 28. Москва.

Как видим, это аксаковское письмо стало первым литературно-критическим откликом на драму Полонского, и в нем предвосхищены претензии к языку и стилю произведения, которые вскоре появились в журнальных рецензиях. Существенны вполне оригинальные замечания Аксакова по поводу отвлеченности конфликта и недостаточной проясненности целей и мотивов поведения главного героя («какого-то Гамлета уже по своей натуре»). Упрек в том, что в драме не отделены западнорусский и польский вопросы, возможно, Полонский принял к сведению, поскольку в печатном варианте однозначно указана белорусская национальность подневольного крестьянства в имении Славицких. Да и вообще нельзя исключать, что Полонский благодаря советам Аксакова мог внести улучшающие текст поправки даже после получения цензурного разрешения, на стадии корректуры.

Интересны сведения о том, что «Разладом» оказался «доволен» В. А. Елагин, считавшийся главным знатоком польского вопроса в славянофильском кружке, и «очень довольна» его жена Катерина Иванов-

на (урожденная Мойер). Елагины были сторонниками независимой Польши, правда в границах, установившихся после ее разделов, и не принимали «поддержки официальной линии» [Тесля: 202].

Наконец, важно наблюдение Аксакова о Танине: «Фазисы внутренней борьбы совершаются как-то отрывочно...»¹. Тут уместно сказать о проницательной догадке Е. Н. Эдельсона:

<...> очевидно, что весь Танин сочинен автором для того, чтобы показать на нем тот нравственный процесс, которым, вероятно, сам автор переходил под влиянием развивавшихся событий Польского восстания из неопределенного космополитического образа мыслей к яркому патриотизму [Эдельсон: 37].

Очевидно, так и было, и иначе не могло быть у лирика Полонского: в образ героя вложено много интимно-личного, живо волновавшего самого поэта в период создания драмы. Но и Аксаков одновременно прошел тот же путь — от гуманного сопереживания братскому славянскому народу, подкрепленного убеждением в праве нации самой решать свою судьбу, до понимания подоплеку совершающихся событий, когда единственно справедливым становился патриотический выбор — охранение имперских устоев и защита порабощенного простонародья Малороссии и Белоруссии, ограждение Западного края от воинственного католического полонизма. Аксаков, преодолевая мучительные сомнения, преодолевал этот путь в первой половине 1863 г. [см.: Дмитриев 2023: 427–428]. Не случайно в тот период почти все его передовицы по польскому вопросу запрещались цензурой [см.: Аксаков 3: 529–544]. Полонский этот процесс прозрения, характерный для многих молодых дворян, выразил в письме Пыпину с помощью риторического вопроса:

Почему издали Польша привлекала нас, а когда мы сходились с ней, — отталкивала и злила?...²

В координатах славянофильской историософии, которая при соз-

¹ ИРЛИ. № 11853. Л. 2 об.

² РНБ. Ф. 621. Ед. хр. 678. Л. 3 об.

дании «Разлада» находилась в центре внимания Полонского, эта фраза звучит афористически — в смысловом ключе извечного противостояния России и Запада, которое осложнил «домашний старый» «спор славян между собою».

Думается, писатели-корифеи, хвалившие драму при первом знакомстве с ней, ощутили, что Полонскому удалось, так сказать, обнажить нерв жизни — прочувствовать и изобразить и атмосферу тревожного времени, и его нового героя, офицера Танина, который воплотил в себе черты поколения, принимающего ответственные, исторически значимые решения в кризисный для страны период. В этом была сильная сторона драмы, позволившая ей долго, вплоть до наших дней, сохранять живую актуальность, даже несмотря на просчеты в отделке художественно-психологических деталей.

Список литературы

Источники

Аксаков И. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 1–4. СПб.: Росток, 2015–2026.

Антонович М. А. Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове // Шестидесятые годы. М.; Л.: Academia, 1933. С. 177–213.

Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. 423 с.

Грабовский М. Ответ поляка русским публицистам по вопросу о Литве и Западных губерниях // День. 1862. 20 янв. № 5. С. 7–10.

Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / статьи, публ. и коммент. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 349–564.

Кожанчиков Д. Е. Письма книготорговца Д. Е. Кожанчикова к И. С. Аксакову, 1861–1864 гг. / публ., вступ. ст., коммент. Д. А. Бадаляна // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: сб. науч. трудов. СПб.: РНБ, 2016. Вып. 18. С. 337–385.

Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева: в 3 кн. / сост. Т. Г. Динесман и др. М.: «Индрик»; Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, 2012. Кн. 3. 592 с.

Минаев Д. Д. Резервные стихотворцы: (заметки и размышления отставного майора Бурбонова) // Русское слово. 1864. № 6. Отд. II. С. 27–42.

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. СПб.: Наука, 2000. Т. 15, кн. 1. 352 с.

Петровский М. П. Лекция пана Духинского в Париже: письмо из Праги / М. П. // День. 1862. 5 мая. № 30. С. 12–14.

Полонский Я. П. Разлад: сцены из последнего польского восстания // Эпоха. 1864. № 4. С. 121–256.

Полонский Я. П. Разлад: сцены из последнего польского восстания. СПб.: Б. и., 1865. 177 с.

А. П. Дмитриев. Польское восстание 1863–1864 гг. в литературном отражении: неизвестный отклик И. С. Аксакова на драму Я. П. Полонского «Разлад»...

Полонский Я. П. Разлад: сцены из последнего польского восстания // Полонский Я. П. Сочинения: в 3 т. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1870 (обл. 1869). Т. 3. С. 237–424.

Полонский Я. П. Письма к М. В. Авдееву // Русская старина. 1902. Т. 111, № 8. С. 279, 285–287.

Старый спор: русские поэтические отклики на польские восстания 1794, 1830 и 1863 годов: антология: в 2 ч. / ред.-сост. К. В. Ратников. Челябинск: ЧП Рейх А. П.; Околица, 2006. Ч. 1. 312; Ч. 2. 169 с.

Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Классика, 2004. Т. 6. 592 с.

Тютчев в письмах и дневниках членов его семьи и других современников / публ. К. В. Пигарева, Т. Г. Динесман, при участии К. М. Азадовского и др. // Литературное наследство. Т. 97: Ф. И. Тютчев: в 2 кн. М.: Наука, 1989. Кн. 2. С. 171–432.

Хвощинская Н. Д. Драма с современным интересом / Н. К. // Отечественные записки. 1864. Т. 155, № 7. С. 285–308.

Эдельсон Е. Н. «Разлад», сцены из польского восстания, Я. П. Полонского. «Эпоха», № 4 / Е. Э-н // Библиотека для чтения. 1864. Т. 183, № 6. Отд. XV. С. 35–42.

Исследования

Грушкин А. И. Полонский Я. П. // Литературная энциклопедия. М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. Т. 9. Стб. 65–68.

Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий. СПб.: Росток, 2023. 544 с.

Дмитриев А. П. Неопубликованные философско-публицистические очерки Я. П. Полонского о молодом поколении конца 1850-х годов и его мирозерцании // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 год. СПб.: Полиграф, 2024. С. 242–267.

Евдокимова А. С. Театр в жизни и творчестве Я. П. Полонского // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-чтения. М.: Наука, 2019. Вып. 8. С. 456–463.

Ермилова Е. В., Грешный А. З. Полонский Я. П. // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 53–59.

Живогин И. Е. Историческая драма Я. П. Полонского «Разлад» и Е. И. Замятина «Огни святого Доминика» // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха: (посвящается 200-летию со дня рождения поэта). Рязань: Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2019. Вып. 2. С. 198–205.

Лебедев Ю. В. Поэзия 70-х годов // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1982. Т. 3. С. 584–605.

Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», 1864–1865. М.: Наука, 1975. 304 с.

Орлов В. Н. Полонский // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. VIII, ч. 2. С. 261–283.

Полоцкая Э. А. Полонский Я. П. // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 850–852.

Ратников К. В. Инвективы русской журналистики против польского духовенства во время восстания 1863–1864 гг. // Первая Международная научно-практиче-

ская конференция Челябинского института путей сообщения, посвященная Дню науки. Челябинск: Изд-во ЧИПС, 2013. С. 124–130.

Тесля А. А. Славянофилы и «польский вопрос» в 1840 – 1-й пол. 1860-х годов // Философия: журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5, № 3. С. 191–216. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-191-216>

Тхоржевский С. С. Портреты пером: повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском. М.: Книга, 1986. 352 с.

Федорова Е. А. «Мы рождены под одной звездой»: Я. П. Полонский и Ф. М. Достоевский // Неизвестный Достоевский. 2025. Т. 12, № 2. С. 89–113. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2025.8021>

Федосеева Т. В. Жанровая специфика пьесы Я. П. Полонского «Разлад» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3 (42). С. 337–341.

Шестопалова И. М. Образы «поляющих» в русской и польской пропагандистской литературе 1860-х гг. // Славянский альманах. М.: Индрик, 2016. № 1/2. С. 224–236.

Blake E. A. Dostoevsky and the Catholic Underground: (Studies in Russian Literature and Theory). Evanston, Northwestern University Press, 2014. 282 p.

References

Grushkin, A. I. “Polonskii Ia. P.” [“Polonskiy Ya. P.”]. *Literaturnaya entsiklopediia* [Literary Encyclopedia], vol. 9. Moscow, Association of State Book and Magazine Publishing Houses Publ., 1935, cols. 65–68. (In Russ.)

Dmitriev, A. P. *Sem'ia Aksakovykh: literaturnoe nasledie i grazhdanskaia pozitsiia: iz arkhivnykh razyskaniy* [The Aksakov Family: Literary Heritage and Civic Position: From Archival Research]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023. 544 p. (In Russ.)

Dmitriev, A. P. “Neopublikovannye filosofsko-publitsisticheskie ocherki Ia. P. Polonskogo o molodom pokolenii kontsa 1850-kh godov i ego mirosozertsanii” [“Unpublished Philosophical and Journalistic Essays by Ya. P. Polonsky on the Young Generation of the Late 1850s and Its Worldview”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2024 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2024]. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2024, pp. 242–267. (In Russ.)

Evdokimova, A. S. “Teatr v zhizni i tvorchestve Ia. P. Polonskogo” [“Theatre in the Life and Work of Ya. P. Polonsky”]. *Fenomen tvorcheskoi lichnosti v kul'ture: Fatiushchenkovskie chteniia* [The Phenomenon of the Creative Personality in Culture: Fatiushchenko Readings], issue 8. Moscow, Nauka Publ., 2019, pp. 456–463. (In Russ.)

Ermilova, E. V., and A. Z. Greshnyi. “Polonskii Ia. P.” [“Polonskiy Ya. P.”]. *Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskii slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: A Biographical Dictionary], vol. 5. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, pp. 53–59. (In Russ.)

Zhivogin, I. E. “Istoricheskaya drama Ia. P. Polonskogo ‘Razlad’ i E. I. Zamiatina ‘Ogni sviatogo Dominika.’” [“The Historical Drama ‘Discord’ by Ya. P. Polonsky and ‘The Fires of St. Dominic’ by E. I. Zamyatin”]. *Ia. P. Polonskii: lichnost', tvorchestvo, epokha: (posviashchaetsia 200-letiiu so dnia rozhdeniia poeta)* [Ya. P. Polonsky: Personality,

Creativity, Era: (Dedicated to the 200th Anniversary of the Poet's Birth)], issue 2. Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Yesenin Publ., 2019, pp. 198–205. (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. "Poeziia 70-kh godov" ["Poetry of the 1870s"]. *Istoriia russkoi literatury: v 4 t. [History of Russian Literature: in 4 vols.]*, vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 584–605. (In Russ.)

Nechaeva, V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha," 1864–1865 [The Journal of M. M. and F. M. Dostoevsky "Epoch," 1864–1865]*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 304 p. (In Russ.)

Orlov, V. N. "Polonskii" ["Polonsky"]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t. [History of Russian Literature: in 10 vols.]*, vol. 8, part 2. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, pp. 261–283. (In Russ.)

Polotskaia, E. A. "Polonskii Ia. P." ["Polonskiy Ya. P."]. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia [Brief Literary Encyclopedia]*, vol. 5. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1968, cols. 850–852. (In Russ.)

Ratnikov, K. V. "Invektivy russkoi zhurnalistiki protiv pol'skogo dukhovenstva vo vremia vosstaniia 1863–1864 gg." ["Invectives of Russian Journalism against the Polish Clergy during the Uprising of 1863–1864"]. *Pervaiia Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia Cheliabinskogo instituta putei soobshcheniia, posviashchennaia Dniu nauki [The First International Scientific and Practical Conference of the Chelyabinsk Institute of Railway Engineering, Dedicated to the Day of Science]*. Chelyabinsk, Chelyabinsk Institute of Railway Engineering Publ., 2013, pp. 124–130. (In Russ.)

Teslia, A. A. "Slavianofily i 'pol'skii vopros' v 1840 — pervoi poloviny 1860-kh godov" ["Slavophiles and the 'Polish Question' in the 1840s — First Half of the 1860s"]. *Filosofia: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 5, no. 3, 2021, pp. 191–216. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-191-216> (In Russ.)

Tkhorzhevskii, S. S. *Portrety perom: povesti o V. Tepliakov, A. Balasoglo, Ia. Polonskom [Portraits in Pen: Stories about V. Teplyakov, A. Balasoglo, and Ya. Polonsky]*. Moscow, Kniga Publ., 1986. 352 p. (In Russ.)

Fedorova, E. A. "'My rozhdeny pod odnoi zvezdoi': Ia. P. Polonskii i F. M. Dostoevskii" ["'We Were Born Under the Same Star': Ya. P. Polonsky and F. M. Dostoevsky"]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 12, no. 2, 2025, pp. 89–113. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2025.8021> (In Russ.)

Fedosheeva, T. V. "Zhanrovaia spetsifika p'sy Ia. P. Polonskogo 'Razlad'." ["Genre Specifics of the Play 'Discord' by Ya. P. Polonsky"]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (42), 2022, pp. 337–341. (In Russ.)

Shestopalova, I. M. "Obrazy 'poliakiuiushchikh' v russkoi i pol'skoi propagandistskoi literature 1860-kh gg." ["Images of 'Poles' in Russian and Polish Propaganda Literature of the 1860s"]. *Slavianskii al'manakh [Slavic Almanac]*, no. 1/2, 2016, Moscow, Indrik Publ., pp. 224–236. (In Russ.)

Blake, E. A. *Dostoevsky and the Catholic Underground: (Studies in Russian Literature and Theory)*. Evanston, Northwestern University Press, 2014. 282 p. (In English)